

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

А.Е. Григорьева*

НОРМА О ДОМАШНЕМ АРЕСТЕ В УПК РФ ТРЕБУЕТ КОРРЕКТИРОВКИ

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ 2001 года ввел в перечень мер пресечения новый ее вид – домашний арест, случаи избрания и применения которого на практике крайне редки. Немаловажную роль в этом сыграло своего рода вето, наложенное на применение домашнего ареста приказом Генеральной прокуратуры РФ № 39 от 5 июля 2002 г. «Об организации прокурорского надзора за законностью уголовного преследования в стадии досудебного производства». Последнее вполне оправданно, так как на день в действующем УПК не устанавливаются надлежащие единообразные механизмы, регулирующие порядок применения домашнего ареста, не определены конкретные органы, на которые возлагается осуществление надзора за соблюдением установленных ограничений. Кроме того, не определены способы и методы контроля, права и обязанности его участников, не урегулированы вопросы, касающиеся жизнедеятельности обвиняемых (подозреваемых) в условиях строгого контроля. Указанные проблемы рядом процессуалистов предлагается разрешить путем разработки и принятия Федерального закона «О домашнем аресте в Российской Федерации» [1].

Вместе с тем требуется корректировка, на наш взгляд, статьи 107 УПК РФ, регламентирующей домашний арест, в соответствии с которой он «...заключается в ограничениях, связанных со свободой передвижения подозреваемого, обвиняемого, а также в запрете:

- 1) общаться с определенными лицами;
- 2) получать и отправлять корреспонденцию;
- 3) вести переговоры с использованием любых средств связи».

Прежде всего это касается самой конструкции нормы, недостатки которой нам видятся в определенной недосказанности, незавершенности в используемой формулировке – «ограничения, связанные со свободой передвижения». Тем более, что данное ограничение является главным в данной мере пресечения, а налагаемые запреты сопутствующими ему.

В этой связи следует отметить, что свобода передвижения (freedom of movement), согласно словарю по правам человека, – это право граждан свободно передвигаться внутри страны, менять место жительства или работы и выезжать за рубеж [2].

По мнению Л. К. Труновой [3], рассматриваемое ограничение заключается в том, что обвиняемый и подозреваемый не свободен в передвижении, т.е. не вправе покидать место своего постоянного или временно-го проживания.

Думаем, законодатель не стал «привязывать» в формулировке ограничение свободы передвижения к термину «дом», полагая, что эта связь прослеживается в самом названии данной меры пресечения.

Тем не менее отдельные ограничения свободы передвижения налагаются при избрании других мер пресечения (например, при подписке о невыезде и наблюдении командованием воинской части). Отличие данного ограничения применительно к домашнему аресту от сходного при подписке о невыезде заключается в том, что оно понимается в узком смысле, речь идет о доме, квартире, гостиничном номере и т.п., а не о населенном пункте. Свобода передвижения при наблюдении командованием воинской части ограничена территорией воинской части, т.е. содержание этого ограничения также отлично от соответствующего ограничения при домашнем аресте.

Поэтому в тексте рассматриваемой нормы все же целесообразно, на наш взгляд, сделать ссылку на место отбывания домашнего ареста.

В то же время законодатель использовал термин «ограничения свободы передвижения» во множественном числе, полагая, имея в виду, что они охватывают не только запрет выхода из жилища полностью или на определенное время, но и такие запреты, как посещать подозреваемым, обвиняемым определенные места и т.п. Но он, на наш взгляд, в первую очередь связан с прописанным в норме запретом общаться с определенными лицами. Ведь именно с этой целью запрещается посещать определенные места.

Кроме того, полагая, что в норме, раскрывающей сущность домашнего ареста, должна если не включаться, то определенным образом звучать специальная цель домашнего ареста, так как сущность и цель любой меры пресечения понятия взаимосвязаны и взаимообусловлены. Ведь именно цель домашнего ареста определяет средства ее достижения, коими и являются ограничения и запреты.

* © А.Е. Григорьева, Якутский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, 2006.

Следует отметить, что не все процессуалисты выделяют специальную цель домашнего ареста. Большинство авторов считают, что цели применения мер пресечения вообще и домашнего ареста в частности состоят в том, чтобы предотвратить, сделать невозможными действия обвиняемого или подозреваемого, вероятность совершения которых в соответствии со ст. 97 УПК РФ служит основанием для применения мер пресечения [4]. Эта общая цель многогранна и включает в себя целый ряд частных целей.

Полностью разделяя позицию о наличии общей цели мер пресечения и дифференциации ее в ряде частных целей, полагаем, что любая мера пресечения преследует также свою специфическую цель, отличную от целей других видов мер пресечения. Домашний арест предусмотрен в системе мер пресечения как промежуточная мера, являющаяся альтернативой заключению под стражей. Соответственно, она должна быть направлена на меньшую степень ограничения прав и свобод личности, нежели самая строгая мера пресечения. Эта специальная цель и обуславливает положение домашнего ареста в системе уголовно-процессуального принуждения, выражается в характере ограничений прав и свобод личности, в содержании принуждения, способе охраны, длительности воздействия и др.

Ю.Г. Овчинников сформулировал ее таким образом: «Цель домашнего ареста выражается в возможности не изоляции обвиняемого от общества с предварительным ограничением его свободы передвижения, свободой получения информации, а также имущественных прав в соответствии с интересами дознавателя, следователя, прокурора и суда» [5].

Соглашаясь в целом с основной идеей, выраженной в указанной дефиниции, считаем не совсем удачным в смысловом отношении использование термина «не изоляция». Фактически все другие меры пресечения (исключая, конечно, заключение под стражу) преследуют ту же «не изоляцию». Домашний арест все же предполагает определенную изоляцию, только форма ее отлична от той, что применяется при заключении под стражу, прежде всего тем, что лицо не помещается в места содержания под стражей.

На неудачность использования термина «не изоляция» указывает то, что Ю.Г. Овчинников, определив специальной целью домашнего ареста «не изоляцию», далее классифицирует цели в зависимости от формы изоляции обвиняемого. Последнюю он подразделяет еще на «полную» и «не полную» изоляции [6].

В связи с исследуемым нами вопросом большой интерес представляет определение цели домашнего ареста в США, где он является не просто отдельной мерой, а целой программой коррекции, не связанной с заключением в тюрьме. Основная цель домашнего ареста там определяется как ограничение личной свободы лица одним конкретным местом, а именно его домом, с тем, чтобы гарантировать его явку в суд, предотвратить совершение им дальнейших преступлений, обеспечить безопасность общества и, наконец, упорядочить образ жизни арестанта [7].

Министр внутренних дел Великобритании Джек Стро перед введением в действие «The Home Detention Curfew» («Системы ограничений, вытекающих из домашнего ареста») не скрывал, что основная цель ее внедрения – уменьшение количества осужденных, отбывающих наказание в местах заключения [8].

Вернемся к идее, которая в целом выражена в определении специальной цели домашнего ареста, данной Ю.Г. Овчинниковым. А она, на наш взгляд, заключается в том, что применение домашнего ареста помимо достижения общей цели мер пресечения преследует цель, направленную на жесткое ограничение свободы обвиняемого без помещения его в места содержания под стражей, т.е. применяется частичная его изоляция. В этом, полагаем, и заключается специфика цели домашнего ареста.

Более лаконичная формулировка главной цели названной меры пресечения дана Б.Б. Булатовым изоляция обвиняемого (подозреваемого) на дому и сведение к минимуму его контактов с внешним миром [9].

В связи с изложенными соображениями предлагаем следующую редакцию ч. 1 ст. 107 УПК РФ: «Домашний арест заключается в частичной (или относительно нестрогой) изоляции подозреваемого, обвиняемого по конкретному месту постоянного или временного проживания с применением иных ограничений свободы передвижения, а также в запрете:

- 1) общаться с определенными лицами;
- 2) получать и отправлять корреспонденцию;
- 3) вести переговоры с использованием любых средств связи».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: Трунова Л.К. Современные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе: автореф. дис... канд. юрид. наук / Л.К. Трунова. - М., 2002. - 16, 36-37 с.; Козлова Н. Мой дом – моя тюрьма / Н. Козлова // Российская газета. - 2004. - 26 окт.
2. См.: <http://www.hro.org/editions.grossary/17fmovte.htm>.
3. См.: Трунова Л. Домашний арест как мера пресечения / Л. Трунова // Российская юстиция. – 2002. - № 11. – С.49.
4. См.: Капинус Н.И. Меры пресечения в российском уголовном процессе / Н.И. Капинус // Следователь. – 1998. - № 8 (16). – С. 36.
5. Овчинников Ю.Г. Понятие, цели и сущность домашнего ареста как меры пресечения в уголовном судопроизводстве России / Ю.Г. Овчинников // Следователь. – 2003. - № 5. – С. 35.
6. Там же. - С. 35.

7. Home confinement // URL:<http://www.bop.gov>
8. См.: Салтыков Е.В. Использование опыта Великобритании по применению домашнего ареста в уголовном судопроизводстве Российской Федерации / Е.В. Салтыков // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): Материалы Международной науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27-28 января 2005 г.: в 2 ч.- Екатеринбург, 2005. - Ч.2. – 229 с.
9. См.: Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. – Омск: Омская академия МВД России, 2003. – 98 с.